

Власть прошлаго ¹⁾).

Наступила весна, а съ ней и Пасха. Въ среду на Святой пришелся день рожденія Наташи. Рѣшили отпраздновать и среду и день рожденія на славу. Гостей ожидалось много, въ особенности вечеромъ. Къ обѣду же были приглашены только родные, но и ихъ набралось порядочное количество. Рано утромъ, когда Наташа была еще въ постелѣ, Аннушка внесла и съ трудомъ поставила на маленькій столикъ большую корзину бѣлыхъ розъ и ландышей. Ни письма, ни карточки. Опрошенный посыльный тоже ничего не зналъ. Такъ никогда никто и не узналъ, отъ кого былъ этотъ привѣтъ. Корзину снесли внизъ, поставили въ гостиную на столъ и Катюша съ Володей составили тайный заговоръ какими-нибудь путями добиться и узнать, кто именно прислалъ эти роскошные цвѣты. Но все ихъ старанія пропали даромъ. Богъ знаетъ, почему отиѣкивались князь Адашевъ и Андрей Александровичъ Скарятинъ: изъ скромности, изъ желанія не быть признанными, или просто потому, что на самомъ дѣлѣ они не были причастны этой посылкѣ. Одна Наташа не старалась узнавать; она не сомнѣвалась; она знала.

Пасха была поздняя въ этомъ году; стоялъ конецъ апрѣля; дни были свѣтлые, ясные, теплые.

Въ первой гостиной дверь на балконъ была выставлена и даже открыта. Гости съѣжались; иные съ удовольствіемъ выходили на красивую бѣлую террасу, пока почти еще пустую и не обставленную цвѣтами. Деревья въ саду едва, едва зелѣли; свѣже-взрытыя грядки издавали пряный запахъ сырой земли; дорожки только передъ домомъ были посыпаны свѣжимъ пескомъ. Отъ всего сада несло свѣжей сыростью нарождающейся

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1915 г.

весны; вѣяло новыми жизненными силами; природа торжествовала, сбросивъ и побѣдивъ зимнія оковы.

Наташа и Катюша въ бѣлыхъ шелковыхъ платкахъ, накинутыхъ на легкія платья, стояли вмѣстѣ съ другими молодыми дѣвушками на балконѣ, не рискуя въ тонкихъ туфляхъ выходить на дорожки, куда ихъ звали Скарятинъ, Адашевъ, Володя и еще нѣсколько другихъ молодыхъ людей.

— А вотъ и профессоръ!—послышался голосъ Горова. Здороваясь и пожимая руки направо и налево, Рагодинъ шелъ прямо къ Наташѣ. Взволнованная, трепещущая ждала она его; ей казалось, что само счастье идетъ къ ней.

— Не знаю, что сказать вамъ, обратился онъ къ ней, всякое поздравленіе, всякое пожеланіе мнѣ кажутся пустыми и банальными. Желаю, чтобы этотъ годъ принесъ вамъ большое счастье, чтобы весь жизненный путь вашъ...

— Былъ усыпанъ розами и ландышами, лукаво улыбаясь, едва слышно произнесла Наташа.

— Да! также тихо промолвилъ онъ, наклоняясь къ ней и съ благоговѣніемъ прикасаясь губами къ этой дѣвичьей рукѣ, не знавшей еще никакихъ пожатій и поцѣлуевъ.

Поздно вечеромъ, когда веселье было въ полномъ разгарѣ, Рагодинъ подошелъ къ Наташѣ.

— Наталья Николаевна, знаете, я долженъ сообщить вамъ непріятную новость.

Она подняла на него испуганные глаза.

— Послѣ экзаменовъ въ консерваторіи я уѣзжаю за границу, въ Италію.

Она не удивилась, почему онъ выразился именно такъ: непріятная новость; почему онъ зналъ, что именно ей это будетъ непріятно. Это было такъ естественно. Такъ же естественно, какъ и ея возгласъ вслѣдъ за этой фразой:

— Ахъ, Господи! да зачѣмъ же это?

Онъ не улыбнулся; все лицо оставалось сосредоточеннымъ и серьезнымъ.

— Я ѣду въ Римъ и Миланъ по порученію Николая Григорьевича. Наталья Николаевна, не бросайте музыку безъ меня; работайте, какъ вы до сихъ поръ работали. Вы сдѣлали за это время большіе успѣхи. Я на дняхъ найду и принесу списокъ вещей, которыя вы выучите безъ меня.

— Смогу ли я безъ васъ? и безпомощные глаза, устремленные на него, сдѣлались влажными.

— Если захотите—все сможете.

Лѣто Горовы проводили всегда безвыѣздно у себя дома. Садъ былъ большой, тѣнистый съ вѣковыми деревьями и въ свою очередь весь окруженъ другими садами; воздухъ былъ чистый, чудный. Та часть города, гдѣ находился домъ Горова, въ то время, была немногочисленна; здѣсь все больше стояли барскіе особняки. Ни лавокъ, ни магазиновъ даже и по близости тогда не было, такъ что и ѣзды городской совсѣмъ не было слышно. Утромъ рано въ особенности, въ саду, когда всѣ лужайки были еще покрыты блестящей росой, верхушки деревьевъ едва золотились въ солнечныхъ лучахъ, а тамъ, въ глубинѣ, гдѣ купы кустовъ были какъ-то гуще и темнѣе, все было застлано синей дымкой тумана, получалась полная иллюзія деревенскаго пейзажа. Самъ Горовъ очень заботился о своемъ садѣ; къ веснѣ всегда нанимался садовникъ, который устраивалъ клумбы, разсаживалъ цвѣты, подрѣзывалъ деревья. Нерѣдко можно было видѣть, какъ и самъ Николай Алексѣевичъ, вооружившись большими ножницами, обрѣзалъ сухія вѣтви или подвязывалъ цвѣты на клумбахъ.

Дѣвочки тоже очень любили свой садъ. У каждой были любимыя скамейки и мѣстечки, носившія особыя названія. Женья и Настя устраивались обыкновенно въ круглой бесѣдкѣ, называвшейся „Монплезиромъ“; м-ше Клеберъ и Катя съ работою сидѣли въ „хуторкѣ“; Наташа съ книгою въ рукахъ удалялась обыкновенно въ самую глубь сада, въ тѣнистую липовую аллею; и, когда пріѣзжали гости, то ее едва находили въ этой глуши. Она какъ-то вся ушла въ себя, мало разговаривала, мало интересовалась всѣмъ ее окружающимъ. Играла она по пяти, по шести часовъ въ день. Отецъ, самъ любившій музыку, радовался ея прилежанію и внимательно слѣдилъ за успѣхами. Молодежь изрѣдка навѣщала Горовыхъ; были впрочемъ и такіе, которые не лѣнились и часто заглядывали къ нимъ. Князь Адашевъ, Скарятинъ, Гарденау нерѣдко засиживались по вечерамъ и съ удовольствіемъ пили чай на большой террасѣ.

Лѣто выдалось чудное, хотя и грозное. Всѣ наслаждались и теплыми погожими днями, и красивыми лунными ночами, и запахомъ только-что скошеннаго сѣна, и дивнымъ одуряющимъ ароматомъ, несшимся съ пестрыхъ клумбъ и съ цвѣтущихъ лицъ. Одна Наташа не замѣчала всѣхъ этихъ красотъ и съ радостью привѣтствовала первые желтые листья и осыпающіеся лепестки розъ.

А пріѣхалъ онъ тогда, когда менѣе всего его ждали.

Теплый августовскій вечеръ нарядно и трепетно блестяль мириадами звѣздъ съ прозрачнаго синяго неба. Только-что пронеслась гроза. Воздухъ былъ чистъ и влаженъ. Дышалось какъ-то особенно легко. Издали неясно доносился городской шумъ, да и тотъ почти затихалъ. На террасѣ накрывали чай; бѣлая скатерть и серебро блестяли подъ яркимъ свѣтомъ лампы съ темнымъ абажуромъ. Василій въ бѣлыхъ перчаткахъ безшумно двигался и приносилъ на столъ то—то, то другое. На боковой скамеечкѣ, недалеко отъ дому, сидѣла Наташа съ двумя маленькими сестренками.

Вдругъ на свѣтломъ фонѣ балкона, на верхней ступенькѣ показался стройный силуэтъ Катюши; за ней еще кто-то.

— А посмотри, кого я тебѣ веду! громко крикнула она въ сторону Наташи.

И они оба быстро спустились по бѣлымъ каменнымъ ступенямъ. Наташа даже не встала; она чувствовала, что, если встанетъ, то сейчасъ же упадетъ. Въ груди все замерло. Она ясно не помнитъ, что было дальше. Дѣвочки радостно вскрикнули и захлопали въ ладоши. Черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ рядомъ съ нею, а Катюша, крича имъ, чтобы они шли чай пить, быстро удалялась къ балкону.

— Что это какъ похудѣли? Нездоровы были? участливо спрашивалъ онъ; а она не понимала даже, что онъ ей говорилъ; только радостно, всѣмъ существомъ своимъ прислушивалась къ звуку дорогого голоса, который она не слыхала больше трехъ мѣсяцевъ.

Потомъ двинулись къ балкону, размѣстились вокругъ стола. Пришелъ Николай Алексѣевичъ.

— А, Александръ Сергѣевичъ! Наконецъ-то! Долгонько же вы пропадали. Батюшки, да вы совсѣмъ итальянскимъ маэстро стали, смѣялся Горовъ, намекая на длинные волосы Рагодина.

Долго въ этотъ вечеръ просидѣли за чайнымъ столомъ. Много и интересно рассказывалъ Рагодинъ про свое путешествіе, рассказывалъ, какъ въ Римѣ ему пришлось играть въ Квириналѣ и какъ милостиво и любезно отнеслась къ нему королевская чета.

Наташа разливала чай, намазывала масло на хлѣбъ для сестренокъ, надѣляла ихъ фруктами; но все это она дѣлала какъ во снѣ. Дорогой голосъ и радовалъ и смущалъ ее.

Послѣ чая Рагодинъ всталъ и подошелъ къ Наташѣ; остановясь за ея стуломъ и наклонясь немного къ ней, онъ спросилъ:

— А что наша музыка? Играли? Не лѣнились?

Обернувшись къ нему, вся сіяющая, смущенная, она рассказывала о своихъ занятіяхъ.

— Что Бехштейнъ настроенъ? спросилъ онъ.

Наташа утвердительно кивнула головой, и они оба прошли въ большую залу, гдѣ уже были зажжены лампы. Рагодинъ сѣлъ за рояль и взялъ нѣсколько вступительныхъ аккордовъ; Наташа стояла около него. Какъ бы угадавъ ея завѣтное желаніе, онъ началъ играть.

Дивная, звучная мелодія наполнила всю залу; за ней слѣдовали богатые варіаціи. Наташѣ казалось, что она понимаетъ смыслъ этихъ звуковъ.

— Что это вы играли? робко спросила она, когда онъ кончилъ.

Онъ сбернулся къ ней и, глядя ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Эту фантазію я написалъ тамъ въ Италіи, въ минуты скуки и тоски, когда я вспоминалъ о Москвѣ.

На другой день Рагодинъ прислалъ Горову свертокъ съ обѣщанными акварелями итальянскихъ художниковъ. Николай Алексѣевичъ рисовалъ самъ и даже увлекался живописью. Весь его кабинетъ былъ увѣшанъ картинами собственной работы. Отдѣльный свертокъ былъ присланъ на имя Наташи. Развернувъ его, она такъ и замерла.

Какъ-то зимою въ разговорѣ съ Рагодинымъ, она передавала ему свои впечатлѣнія послѣ только-что видѣнной ею на сценѣ Малаго театра трагедіи Гуцкова „Уріель Акоста“. Ленскій и Ермолова въ главныхъ роляхъ совсѣмъ покорили ея сердце. Сама трагедія, внутренній смыслъ ея — поразили ея воображеніе.

И вотъ теперь передъ нею лежала, дивно исполненная, акварель, подъ которой значилось: „Акоста и Юдиѣ“. Это былъ отчасти снимокъ съ извѣстной картины нѣмецкаго художника. Представленъ уголокъ дивнаго, роскошнаго сада, старинная бесѣдка, обвитая плющемъ, мраморная бѣлая скамья угломъ и передъ нею такой же столъ.

Другъ противъ друга сидятъ Акоста и Юдиѳъ. Передъ ними лежитъ раскрытая библія. Онъ, видимо, что-то вдохновенно толкуетъ, а юная ученица восторженными глазами смотритъ на своего учителя.

Вотъ, что изображала картина; но не это заставило ахнуть Наташу. Не дочь Манассе Вандерстратена сидѣла на мраморной скамьѣ и не ей принадлежала эта роскошная бѣлокурая коса, спустившаяся съ плеча, а черты еврейскаго мыслителя удивительно напоминали другое, болѣе знакомое, болѣе дорогое лицо. Но сходство было едва уловимо, такъ что для посторонняго лица оно могло сойти за простую случайность или быть вовсе незамѣченнымъ.

Картина была развернута при Горовѣ. Онъ взглянулъ на нее, нахмурилъ сѣдыя брови и, не сказавъ ни слова, ушелъ къ себѣ въ кабинетъ. М-те Клеберъ тоже неодобрительно покачала головою. Катюша взглянула на картину, потомъ на Наташу, и какъ будто только теперь ей все стало ясно.

Впослѣдствіи итальянскія акварели были отдѣланы въ чудныя паспорту и рамки, Наташина же картина подверглась остракизму. Впрочемъ, она объ этомъ не горевала; отнесла ее къ себѣ на верхъ и приколола булавками надъ постелью. При встрѣчѣ съ Рагодинымъ она ни словомъ не обмолвилась про сходство и официально поблагодарила его за подарокъ.

Прошелъ сентябрь мѣсяцъ, а Горовъ не поднималъ разговора о возобновеніи уроковъ музыки. Рагодинъ почти не бывалъ, а если и бывалъ, то на очень короткое время и какъ бы мимоходомъ; всегда куда-то спѣшилъ, всегда было некогда.

Какъ-то вечеромъ послѣ обѣда, м-те Клеберъ была приглашена на аудіенцію въ кабинетъ его превосходительства. Аудіенція длилась очень долго. Смущенныя необычайностью событія, дѣвочки озабоченно ходили на верху по своимъ апартаментамъ.

— Ты не знаешь, зачѣмъ ее позвали? съ безпокойствомъ спрашивала Катюша у Наташи, которая стояла у окна и рассеянно смотрѣла въ глубь порѣдѣвшаго сада.

— Почему я знаю! и глубокій вздохъ вырвался у нея изъ груди.

Наконецъ, м-те Клеберъ вернулась красная и взволнованная. Маленькія сидѣли уже въ классной за столомъ и ждали французскаго урока. Съ шумомъ отодвинула стулъ м-те Кле-

беръ и усѣлась; потомъ напялила очки, тряхнула головой, взяла въ руки Марго и, ни къ кому особенно не обращаясь, изрекла:

— Oui, mesdemoiselles, la tâche d'une institutrice est une chose très difficile, surtout lorsque les élèves manquent de sincérité!

Катюша сдѣлала круглые глаза, а Наташа сдвинула брови и безнадежно махнула рукой.

Все кругомъ было не ладно. Въ воздухѣ чуялась гроза. За обѣдомъ, вмѣсто прежнихъ веселыхъ разговоровъ, отецъ молчалъ и всемъ было не по себѣ. Сколько разъ порывалась Наташа идти прямо къ отцу и поговорить съ нимъ; покаяться въ своемъ грѣхѣ, какъ она мысленно называла свое чувство, и спросить его самого, отчего онъ такъ перемѣнился; но страхъ, смертельный страхъ останавливалъ ее.

Въ началѣ ноября было первое симфоническое собраніе. Съ утра Наташа была какъ въ лихорадкѣ. Вечеромъ она увидитъ его, будетъ говорить съ нимъ. Отцу немного нездоровилось, и онъ ѣхали съ м-ше Клеберъ. Почувствовавъ нѣкоторое облегченіе отъ этого обстоятельства, она вмѣстѣ съ тѣмъ проклинала себя за такое чувство.

— Господи, прости меня грѣшную! Не накажи меня за такой грѣхъ! И она покрывала маленькими незамѣтными знаменіями креста то мѣсто, гдѣ въ груди ея билось непокорное и раненое сердце.

— Наташа, какія мы платья надѣнемъ? кричала Катюша изъ гардеробной. Аннущка спрашиваетъ, какія готовить.

— Миѣ все равно, какія хочешь!

И она, вся занятая своими мыслями, разсѣянно шла одѣваться.

Пріѣхали въ собраніе рано, чуть не за полчаса до начала. Прошли на свои мѣста. Стоя спиною къ эстрадѣ, Наташа разглядывала въ бинокль весь залъ. Нѣтъ никого! Почему онъ не идетъ? Вышелъ на эстраду Рубинштейнъ; постучалъ своей дирижерской палочкой; водворилась такая тишина, что муху можно было услышать; онъ былъ на этотъ счетъ строгій господинъ. Сыграли симфонію Гайдна; вторымъ номеромъ были отрывки изъ какой-то новой оперы; былъ хоръ и солисты. Должно быть, было хорошо сыграно и спѣто. Публика громко аплодировала и вызывала солистовъ. Наташа ничего не слышала. Вотъ антрактъ.

— Ну, теперь-то придетъ навѣрно!

И сердце билось такъ, что мѣшало дышать.

М-ме Клеберъ и Катюша поднялись, чтобы идти въ другой залъ.

— Nathalie, а вы?

— Я не пойду, я останусь здѣсь. Вы идите.

Въ это время къ Наташѣ подошла извѣстная тогда пѣвица, Евлалія Павловна Кадмина, съ которой Горovy были знакомы; она была одна изъ солистокъ нынѣшняго вечера.

— Что, барышня, смотрите знакомыхъ? заговорила она съ Наташей своимъ низкимъ груднымъ контральто и опустилась на кресло рядомъ; они были сосѣди по мѣстамъ.

— Да, но никого нѣтъ сегодня... интереснаго, прибавила Наташа, стараясь улыбнуться.

— Ну, какъ вамъ понравилась арія, которую я пѣла?

— Очень, да. (Наташа продолжаетъ смотрѣть въ бинокль). Ахъ, вотъ идетъ Скарятинъ! Лишь бы только недолго оставался, думаетъ она. Не хочу, чтобы кто-нибудь былъ, когда онъ придетъ.

Но онъ—не пришелъ. Былъ ли онъ въ концертъ? не былъ ли? спросить не у кого было, да она и не рѣшилась бы. Чуть не плакала она, сидя въ каретѣ, возвращаясь домой.

Прошло еще нѣсколько дней. Бехштейнъ и Ренишэ, отверженные и покинутые, молчали чуть ужъ не цѣлый мѣсяць. Осунувшаяся, блѣдная ходила Наташа. Слова отъ нея трудно было добиться. Она все думала, думала.

— Что съ тобою, дитятко? участливо спрашивала старуха Анна Филиппевна.

— Ничего, няничка, голова немного болитъ!

— Какое ужъ тамъ голова! Развѣ я не вижу! И она ворчала себѣ подъ носъ и вздыхала.

Наконецъ она рѣшилась. Какъ только послѣ завтрака отецъ собрался на службу, она, стоя въ залѣ, проводила глазами, выѣзжавшаго со двора, сѣраго рысака и побѣжала къ себѣ на верхъ. Выждавъ, пока м-ме Клеберъ съ младшими дѣвочками отправилась совершать обычную прогулку, она быстро одѣлась, накрыла голову чернымъ кружевнымъ шарфомъ, почти закрывъ лицо, и, счастливо миновавъ коридоръ и буфетную, черезъ

людскую и боковую калитку вышла на дворъ, а оттуда и на улицу. Видѣли ее только прачка, которая выходила въ это время изъ прачешной, да старикъ-дворникъ, сидѣвшій у воротъ и удивленно взглянувшій на барышню, которая выходила одна на улицу—это было необычное явленіе. Но Наташѣ было рѣшительно все равно. Она вышла бы и передъ всѣми; только бы не помѣшали! Нервы были дотога натянуты; все существо ея было такъ измучено, что она на все махнула рукой.

Выйдя за ворота, она наняла перваго встрѣчнаго извозчика и приказала ѣхать на Новинскій бульваръ. За два—три дома она остановилась, вышла изъ пролетки и подошла къ подъѣзду дома, гдѣ жилъ Рагодинъ. Отворила незапертую парадную дверь и вошла на лѣстницу. Вотъ и квартира его. Она не помнитъ, но кажется, она ни минуты не раздумывала и дернула звонокъ. Черезъ нѣсколько минутъ дверь отворилась. На порогѣ стояла женщина лѣтъ тридцати.

Красивые черные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ глянули участливо на Наташу. Несмотря на рѣзко выраженный иностранный типъ, она съ чисто русскимъ акцентомъ спросила:

— Вамъ кого нужно?

— Александръ Сергѣевичъ дома? Мнѣ его нужно видѣть.

Ноги подкашивались у Наташи и она вся дрожала. Отвѣта не последовало, потому что въ эту минуту боковая дверь, видимо изъ кабинета отворилась, и самъ Рагодинъ подошелъ къ Наташѣ.

— Наталья Николаевна, вы! Зачѣмъ? Что случилось?

— Я не могу больше... я должна была...

И рыданья прервали ея слова.

Рагодинъ ввелъ ее въ свой кабинетъ, усадилъ на диванъ и притворилъ дверь.

— Успокойтесь, умоляю васъ! Онъ взялъ стаканъ, налилъ воды изъ графина и подалъ ей.

— Выпейте, прошу васъ!

Взявъ съ дивана подушку, онъ сѣлъ у ея ногъ, выжидая, пока она немного успокоится.

— Зачѣмъ, зачѣмъ вы не были у насъ... такъ давно?..

И, беспомощно опустивъ руки на колѣни, она глядѣла на это дорогое, тоже поблѣднѣвшее и похудѣвшее лицо. Онъ взялъ эти руки въ свои, прижался къ нимъ своимъ горячимъ лбомъ и прерывающимся голосомъ произнесъ:

— Наталья Николаевна, Наташа, дорогая... простите меня... я не смѣю, не могу бывать у васъ... я виноватъ во всемъ... простите, если можете...

Этими словами было сказано все. Поняла ли Наташа тогда, или позднѣе—не все ли равно?

Грустно, тоскливо смотрѣла она на него.

Проведя рукой по лбу, Рагодинъ всталъ.

— А теперь, уѣзжайте, прошу васъ...

Бережно окутавъ ее, онъ сошелъ вмѣстѣ съ нею съ лѣстницы, усадилъ ее на извозника, предварительно велѣвъ поднять верхъ и крѣпко, судорожно сжавъ ей руку, сказалъ тихо:

— Прощайте... и простите...

Вернувшись домой, Наташа прошла прямо къ себѣ. На верху лѣстницы ее встрѣтила м-ме Клеберъ.

— *Seigneur Dieu! d'où venez vous dans cet état-là?..*

Должно быть лицо Наташи выдавало ее, да и шарфъ былъ повязанъ не совсѣмъ элегантно. Равнодушно глядя на нее, Наташа произнесла:

— *Se viens de chez Александръ Сергѣевичъ!* и видя, что она хочетъ сказать еще что-то—прибавила:

— *Laissez-moi tranquille!*

Растопыривъ руки и воздѣвъ очи долу м-ме Клеберъ отступила въ недоумѣньи.

Наташа между тѣмъ уже бросилась на нянину кровать и истерично рыдала. Старая няня раздѣла свою любимицу, уговаривая, какъ малаго ребенка; потомъ прикрыла ее своимъ платкомъ.

— Да оставьте вы ее, дайте ей успокоиться, выпроваживала она изъ своей комнаты м-ме Клеберъ и дѣвочекъ, жавшихся около двери и съ любопытствомъ посматривавшихъ на сестру.

— Еще француженка, а ничего не понимаетъ,—ворчала себѣ подъ носъ старушка.

Много ли она сама поняла во всей этой исторіи — неизвѣстно.

На другой день рано утромъ Наташу позвали къ отцу Молчаливая, угрюмая вошла она въ кабинетъ. Она знала, что она виновата, и знала, что должна перенести наказаніе въ видѣ строгаго выговора. Отецъ взволнованный, суровый, ходилъ взадъ и впередъ по кабинету.

— Садись! Онъ указалъ на кресло возлѣ стола.

Она молча повиновалась; онъ всталъ передъ нею.

— Скажи, пожалуйста, ты отдаешь себѣ отчетъ въ твоёмъ поступкѣ? произнесъ онъ голосомъ, который онъ напрасно хотѣлъ сдѣлать спокойнымъ.

Она молча подняла на него свои глаза и сейчасъ же опять ихъ опустила.

— Ты, старшая въ семьѣ! Какой примѣръ сестрамъ! Но зачѣмъ вспоминать все это, что было сказано въ этотъ часъ! Тутъ было говорено и о позорѣ, и о томъ клеймѣ, который она положила на всю семью. Вѣдь завтра вся Москва будетъ знать! Ни одинъ порядочный, молодой человѣкъ не женится на такой дѣвушкѣ, и т. д., и т. д. А прислуга! А знакомые! Боже, какой ужасъ!..

Уничтоженная, убитая, стараясь постичь свой страшный грѣхъ, она вернулась къ себѣ; къ вечеру ей сдѣлалось худо; послали за докторомъ и уложили ее въ постель.

Такъ кончился ея романъ съ Рагодинымъ! Такъ кончилась ея первая, юная любовь!

Какой-то странной, жуткой жизнью жила она послѣдующее время. Не было уже больше той увѣренности въ радость и красоту жизни; пропала увѣренность и въ себя. Страхъ ко всему ея окружающему смѣнилъ то чувство міровой любви, которымъ было полно ея сердце. Какъ тяжело больная, послѣ только-что вынесенной операціи, осторожно и ощупью ступала она на своемъ жизненномъ пути. Прежде—она знала—ей стоило показаться и всѣ любили ее; ей даже не нужно было для этого дѣлать какія-либо усилія. Жизнь въ ней звучала такой дивной гармоніей, что одно присутствіе ея уже было—свѣтъ.

Теперь все исчезло, все пропало. Въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ отца она чувствовала укоръ, упрекъ; въ каждомъ соболѣзнованіи знакомыхъ и родныхъ ей чудились обидный намекъ, насмѣшка и иронія.

Вечеринки, балы—отъ всего она отказывалась подъ предлогомъ нездоровья. Когда наступила суббота съ ея симфоническимъ концертомъ, она, было, одѣлась, а потомъ въ свѣтломъ, нарядномъ платьѣ спустилась внизъ, прошла въ кабинетъ отца; онъ стоялъ передъ зеркаломъ совсѣмъ одѣтый, въ черной вечерней парѣ и прилаживалъ въ петличку сюртука маленькую изящную цѣпочку съ массой миниатюрныхъ русскихъ и иностранныхъ орденовъ.

— Что тебѣ? спросилъ онъ, не глядя на нее.

— Папа, позвольте мнѣ не ѣхать,—произнесла она дрожащимъ голосомъ.

— Что это за новости! воскликнулъ Николай Алексѣевичъ недовольнымъ голосомъ.

— Я... право... не могу...

Онъ обернулся, взглянулъ на нее и должно быть чуткимъ отцовскимъ сердцемъ, облеченнымъ теперь въ напускную суровость, онъ понялъ, что дѣйствительно она *не могла* ѣхать.

— Хорошо, можешь остаться дома. И голосъ его прозвучалъ мягко и нѣжно.

Къ роялю, къ своему милому Бехштейну она тоже боялась подходить. Какъ-то вечеромъ, когда никого не было дома, она сошла въ большую залу, открыла рояль, взяла тутъ же лежавшую тетрадь нотъ; это были сонаты Бетховена; и открылась-то тетрадь на „Аrassionata“—последняя вещь, которую онъ игралъ у нихъ; взяла первые вступительные аккорды, да такъ и замерла на нихъ. Опустивъ голову на руки и прислонившись къ пюпитру, она долго и горько плакала. А въ ухахъ звучали еще торжественные звуки „Allegro“ и вся зала, казалось, была полна этими трепетными, дивными звуками...

Горовскіе „Среды“ продолжали собирать многочисленное общество. Молодежь веселилась. Кромѣ танцевъ, въ этомъ году отдавали предпочтеніе шарадамъ и живымъ картинамъ. Это было и осмысленнѣе, и интереснѣе, и развивало художественный вкусъ. Скарятинны сдѣлались почти постоянными посѣтителями. Самъ старикъ, бывший консулъ гдѣ-то на Востокѣ, былъ не изъ симпатичныхъ; за то старая м-ше Скарятина представляла собою на рѣдкость добродушный и любящій типъ. Семья была большая, но безалаберная. Дѣтей было шесть человѣкъ: пять сыновей, всѣ почти—военные и одна дочь, на которую было положено много труда и заботъ, чтобы выдать ее замужъ, но, благодаря неинтересной наружности и свѣтской безсодержательности, никакія комбинаціи не удались.

Съ дѣвочками Горовыми она сойтись не могла. Слишкомъ большая разница была въ воспитаніи. Наташа и Катюша, хотя уже и совсѣмъ взрослые дѣвицы—были однако все время какъ бы подъ ферулой гувернантокъ, Наденька же Скарятина была вполне самостоятельная особа. Участвовала въ благотворительныхъ обществахъ, ѣздила одна съ братьями по баламъ и пик-

никамъ, каталась верхомъ, причесывалась у парикмахера и, что между прочимъ ужасно конфузило и смущало Наташу и Катюшу, красила себѣ брови, завивалась, пудрила волосы и главное—о ужасъ—носила привязную косу.

Старшій сынъ—Андрей, бывшій гвардеецъ, служилъ теперь въ одномъ изъ московскихъ гренадерскихъ полковъ, второй—Василій былъ уланомъ, а остальные были пока юнкера и кадеты.

Скарятинны вносили большое оживленіе въ семью Горовыхъ. Самой Скарятиной очень правилась Наташа. Почувявъ материнскимъ сердцемъ, что у дѣвушки горе, она относилась къ ней ласково и тепло, стараясь вызвать въ ней довѣріе и искренность. Наташѣ такъ нужна и необходима была любовь, что она всею душой привязалась къ Еленѣ Ивановнѣ.

Бывало, молодежь шутить, веселится, а Наташа присядеть къ Еленѣ Ивановнѣ и болтаетъ, болтаетъ съ ней безъ конца; и такъ ей хорошо и уютно съ этой милой старушкой. Очень часто къ этимъ бесѣдамъ присоединялся и Андрей Александровичъ. Ни словомъ никогда не обмолвился онъ про Рагодина, какъ будто-бы ничего и не было; никогда при ней не спрашивалъ про него, какъ это дѣлали другіе; и даже, когда мать какъ-то въ разговорѣ упомянула про Наташины музыкальныя занятія, онъ сейчасъ же свернулъ разговоръ на другую тему. И какимъ мягкимъ, благодарнымъ взглядомъ подарила его за это Наташа!

Что за жизнь, когда человѣкъ сомнѣвается въ себѣ! А вотъ именно этойто жизнью жила теперь Наташа. Грозныя слова отца преслѣдовали ее. Она совершенно наивно и искренно думала, что уронила себя въ глазахъ общества, что репутація ея испорчена. Мало того: она думала, что и передъ Богомъ она совершила чуть ли не преступленіе. Когда великимъ постомъ она говѣла, съ какимъ необычайнымъ страхомъ шла она къ исповѣди! Простить ли ей Господь этотъ страшный грѣхъ? Она даже не умѣла его формулировать. Полюбила того, кого *нельзя было, кого не слѣдовало* любить. Такъ она сказала на исповѣди, вся дрожа и съ глазами полными слезъ. Но должно быть старикъ-священникъ, который зналъ ее съ дѣтства, былъ ея духовникомъ, напутствовалъ въ смертный часъ и ея покойную мать—должно быть, онъ не усмотрѣлъ особенной грѣховности въ ея поступкѣ и, видя ея полное и искреннее раскаяніе, отпустилъ ей этотъ „ея великій грѣхъ“. Несмотря на это, съ какимъ сердечнымъ трепетомъ подходила она на другой день

къ Царскимъ Вратамъ, когда священнослужитель вынесъ св. Дары! Ей все казалось, что она недостойна приступить къ Таинству; ей чудилось, что невѣдомая рука оттолкнетъ ее, какъ нѣкогда оттолкнула великую грѣшницу, ставшую потомъ великой подвижницей.— За то послѣ говѣнья она успокоилась; жизнь потекла нормальнѣе; и, если въ ней не замѣчалось прежняго веселья и увлеченья—то все-таки же она стала опять дѣятельной, много читала, рисовала, работала. Отецъ сталъ по-прежнему ласковъ и снисходителенъ; а она стала какъ-то ближе къ отцу. Какъ будто, испытавъ житейскую бурю, она поняла, что все-таки *ею* любовь—это истинная, тихая пристань, гдѣ можно успокоиться, отдохнуть и быть въ безопасности.

Сообщ. М. С.

(Продолженіе слѣдуетъ).

